

УДК 1:141.3(575.2)

КЫРГЫЗСКИЙ НОМАДИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

К.М. Алиева

Номадизм – это самый глубокий и определяющий слой кыргызской действительности. Кыргызский номадизм рассмотрен как естественное саморазвитие исторической ветви цивилизации. Сегодня номадизм значительно укрепился, и он принимает новые формы. Это объясняет мобильность и стабильность трудовой миграции из Кыргызстана. Ядро кочевого феномена народов следует рассматривать в концепции взаимодействия, которая является основой мировоззрения теңриев и евразийского трансцендентального мира.

Ключевые слова: теңри; кыргызский мир; традиционное знание; трудовая миграция.

КЫРГЫЗДЫН НОМАДИЗМ ФЕНОМЕНИ

К.М. Алиева

Номадизм – бул кыргыздын жашоо маңызын эң терең мүнөздөөчү катмары. Бул макалада кыргыз номадизми цивилизациянын тарыхый бутагынын өзүн өзү табигый өнүктүрүү формасы катары каралат. Бүгүнкү күндө номадизм бир кыйла бекемделип, жаңы формага өтүүдө. Бул Кыргызстандан чыккан эмгек миграциясынын мобилдүүлүгү жана туруктуулугу менен түшүндүрүлөт. Элдердин көчмөн феноменинин маңызын өз ара бирге аракеттешүүсүнүн концепциясында кароо керек, мунун өзү теңирчилердин дүйнө таанымынын жана евразиялык трансценденталдык дүйнөнүн негизи болуп эсептелет. «Теңир» түшүнүгү «тең» деген сөздөн келип чыккан, б.а. «равный». Бул неонамадды билүүгө, түшүнүүгө өбөлгө түзөт.

Түйүндүү сөздөр: теңир; кыргыз дүйнөсү; салттуу билим; эмгек миграциясы.

THE KYRGYZ NOMADICAL PHENOMENON

K.M. Alieva

The Nomadism is the deepest and determining layer of the Kyrgyz reality. Kyrgyz nomadism is considered as a natural self-development of the historical branch of civilization. Today nomadism significantly strengthened and he is taking new forms. And it explains mobility and stability of the labor migration from Kyrgyzstan. The core of the nomadic phenomenon of peoples should be seen in the concept of interaction, which is the basis world outlook of tenries and of the Eurasian transcendental world. The understanding of "tenri" comes from "teң", i.e. "equal". There is a premise knowledge of neonomad.

Keywords: теңи; Kyrgyz world; premise knowledge; work migration.

Номадизм (кочевничество) представляет самый глубокий и определяющий пласт кыргызской действительности. Его историческое время и культура охватывают более 3,5 тысячелетий. Но элементы номадизма (философия, мировоззрение, знание, культура, социум и т. д.) не полно исследованы как закономерное саморазвитие исторической ветви цивилизации, и поэтому он несколько недооценен. Однако сегодня этот феномен – актуальный объект междисциплинарного исследования постнеклассической науки. Впервые именно постсоветское интеллектуальное кыргызское пространство имеет возможность открыто обсуждать исконные свои философемы, среди которых ключевым

детерминантом выделяется понимание *Теңир* (*Көк Теңир*). Результаты исследования кочевой культуры тюркских народов имеют разную степень познавательной компетентности европоцентристского подхода [1, с. 3; 2, с. 5], и в соответствии с концепцией эволюционизма она интерпретирована как период *варварства*, но монотеизма *Көк Теңир*. Становление монотеистической религии – эпоха Древнетюркского каганата (т. е. VI век). Одно из их самых известных основных предположений, представляющее уже распространенную культурологическую доктрину: *тенгрианство* есть тюркская форма *шаманизма*. В доказательство приводят его компоненты, к примеру, *камлание* северных народов или

дөөкөр бакишы (искусный исцелитель) кыргызов и подчеркивают традиционное кочевое общество застывшим патриархально-феодальным. Но такого рода выводы и обобщения – исторические, этнографические, культурологические и теологические и т. д. – не полностью верифицированы. И такое редукционистское понимание требует разъяснений. Номадический феномен тюркских народов – метафизический факт, основание его мировоззренческой открытости составляет концепт *Теңир*. И эпистемологические сомнения в достоверности этой реконструкции уже не предвидятся. Так, научная ценность, определенных сегодня как эмпирические, исследований заключается в кумулировании и фиксации важной информации, представляющей антропологические дескрипты этногенеза тюркского мегаэтноса. Они выступают как исторические источники, но необходимо их современное критическое прочтение и систематизация таких конгломератовых и уже устоявших представлений. Особую трудность при этом представляет не только специфическое идеологическое напластование разных эпох, но значимое, сегодня, влияние нарастающего тренда самоидентификации кыргызской нации как политического образования. Этот контекст делает и данное исследование непростой задачей. Тогда к более объективной источниковой информации о феномене *Теңир*, следует отнести богатейшее разнообразие кыргызского устного народного творчества. И, прежде всего, это крупнейший кыргызский героический эпос – трилогия «Манас». Еще в 1856 г. этнограф Ч.Ч. Валиханов утверждал, что эпос «Манас» – «энциклопедическое собрание...» [3, с. 58]. И важно, что он «... ни разу не слышал, чтобы киргиз в каком-либо обстоятельстве, призвал «Аллаха». Тюрколог Б.М. Юнусалиев, знающий изнутри и интуитивно чувствующий ментальные глубины своего кыргызского народа, строго прослеживает следы древней теңирской культуры и особо подчеркивает поверхностный и поздний характер ее исламизации [4, с. 6]. Ранее, еще в 1913 г., в самом обширном исследовании истории и культуры кыргызов заостряют внимание на факте, что «кыргызы еще в XIX в. и, раньше, в XVI в., совершенно не были знакомы с догматами и обрядами ислама» [5, с. 5]. Эту особую кыргызскую черту подчеркивает и кыргызовед С.М. Абрамзон [6, с. 291]. Но они и утверждают наличие у кыргызов и своей религиозной концепции.

Действительно, кыргызский язык – единственный информационный источник философской мысли древнего тюркского народа, кумулировавшего свое «время и бытие» в этом коммуникативном пространстве: в песнях, в *төкмө-айтышах*, дастанах, эпосах, преданиях, легендах, сказках,

сказаниях. Эта интерактивная, сложная, открытая язык – система – среда представляет философско-семантическому анализу широкие возможности для онтологических изысканий. Эпос «Манас» – художественный памятник самоутверждения народа, социально-психологическая сила которого в том, что в лице Манаса воплощены лучшие черты кыргызского народа: храбрость, верность, железное упорство в достижении поставленной цели. Это и есть самый актуальный эпистемологический вывод, так как идея Манаса содержит канонический идеал кыргыза: его глубинные духовные константы как систему собственных ценностей, мировоззренческие предпосылки, философские основания кыргызской рефлексии, социокультурные ориентиры, регулятивы и идеалы, социальные нормы и институты, социально-психологические установки, главные критерии и основное условие существования. Это позволяет понять и объяснить реалии современного кыргызского мира. В этой связи следует подчеркнуть, что эпическое изложение манасчи во всем единстве его художественно-образного мышления, поэтических приемов и методов импровизации, архаических феноменов, специфической мелодичности и элементов нарратива само представляет мощный коммуникативный инструментарий одновременного диалога с целой кыргызской аудиторией и с каждым кыргызом в отдельности. Именно такое целесообразное вариативное рекурсивное изложение воссоздает архетип Манаса как начала и паттерна коллективной кыргызской самости. И в этом сила эпоса, содержащего предпосылочное традиционное кыргызское знание и реальную национальную картину мира. И такое устное кумулированное знание и его трансляция – особое осмысление объективной реальности и воспроизведение реликтовой многовековой когнитивной и рациональной рефлексии кыргыза. Иной, сущностный, признак – распространенное *төкмө-акынство*. Это моментный непрерывный поток рифмованной импровизации, представляющее вариативное личностное знание, интерпретацию и соосмысление-процессуальность или метафизическое умопостижение мира. Отсюда *акын* – «истекающий, изливающийся» словом-мыслью, а особый эпический стиль стихосложения – выработанная веками рациональная (номадическая) техника кодирования и сохранения информации. Такое словесно-логическое состояние когнитивного осмысления мира вполне рационально не всегда нуждается в письменном информационном инструментарии и представляет самобытный и действенный метод репрезентации. Кыргызские *төкмө-акыны* виртуозно владеют сопряженным наглядно-образным

и словесно-логическим описанием. Сила мысленных представлений, богатая палитра воображения, аналоговое восприятие, виртуозное метафорическое мышление при репрезентации и интерпретации есть арсенал их феноменологического осмысления реалий в единстве мысли и языка. В этой связи исследование языка раскрывает обобщение мира на чувственно-логическом уровне и имеет особую остроту в период цивилизационных трансформаций. Языковое пространство кыргыза содержит как наиболее вероятную компоненту его философскую мысль, представляющую основание самобытной культуры и самоосознание народа. Творческое многообразие төкмө-акынов представляет версии, вариации, приближение, дополнение и согласование в динамике познаваемой истины. В осмыслении его роли актуален метафизический факт логики: «границы моего языка означает границы моего мира» [7, с. 80]. В своем «случившемся» кыргызском кочевом мире есть место выбору: сверхъестественного (божественного) и естественного. И на рубеже тысячелетий кыргызский язык отчетливо доказывает реальность дихотомии философии Запада – Востока.

Другим действенным источником являются хорошо сохранившиеся древние памятники – многочисленные каменные изваяния или *балбалы*, *рунические надписи* и *петроглифы* с солярными знаками.

К примеру, Саймалуу Таш. Здесь интересны облики «солнечных» или «солнцеголовых» древних людей, но до сих пор широко распространена ошибочная концепция, что это древнее антропоморфное изображение бога. Ислам (если рассматривать их как исламские) канонически запрещает любое его изображение, а доисламские верования, т.е. «варварские», содержат не монотеистичные, многообразные, уникальные, множественные представления богов и их познавательный уровень далек от единого обобщенного (или цивилизационного, по Л. Моргану) образа бога. В таком смысле кыргызскому древнему мастеру более доступен, близок, прост и конкретен сам человек. Полное

прочтение и этих камнеписных сообщений кочевников, их научное обоснование и интерпретация впереди. Научная кыргызская рациональность выдвигает смелые предположения и уже строго исключает мистические, религиозные, мифологические представления и иррациональные догадки.

В современной науке достоверно установлено собственное лингвистическое пространство и время присутствия этнонима «*кыргыз*»: это и Сибирь (Алтай, Тува, Хакасия, Прибайкалье и, конечно, Енисей), и вся Центральная Азия, и Пакистан, и Афганистан, и Китай. Последние исторические исследования доказывают, что она имеет истоки с андроновской эпохи (XVII – IX веков до н. э.). Лексемы *кыргыз* и *теңир* взаимосвязаны. Они возникли одновременно. Именно с этнонимом «*кыргыз*» возникает понятие *Теңир*. Но становление теонима *Теңир* – более позднее образование. Так, древнейший тюркский народ – *кыргызы* – известен еще с III века до н. э. Они – ровесники *Империи Хуннов* (но есть мнение, что хунну – прототюрки). Так, древнекитайские источники утверждают, что хуннский император Лаошань (166 год до н. э.) носил титул *шаньюй* как величайший и *Теңир куту* (небесное благо – *кырг.*) как избранный по воле небес [8, с. 10]. Известно, что *Теңиру* поклонялся и другой тюркоязычный кочевой народ *усуни*. С древнетюркского расшифровано слово орхон-енисейского письма VIII – X вв. н. э. *𐰉𐰺𐰽𐰸* как *Теңир* еще в 1893 г. [9, с. 12] – это уже исторический факт. Согласно Л.Н. Гумилеву, *тенгрианство* – это первобытная религиозная концепция мира в совокупности: понятия о божестве – онтологического основания; идеи трех миров (верхнего небесного, срединного или внутреннего земного духа, нижнего подземного – мира духов) [3, с. 58] – космологической компоненты; мифологии – мира духов предков-*арбаков* и демонологии – мира духов живой природы. Но это системный подход XX в., предлагающий *тенгрианство* как открытое мировоззрение, культуру, учение о кочевниковедении и т. д. Заслуга других системных историографических письменных источников (таджикоязычных сочинений «Маджму ат-таварих» («Собрание историй»), муллы Сайф ад-дин Ахсикенти и его сына Нура Мухаммад, датированных 1503 годом) состоит в том, что они доказывают факт пребывания кыргызов (и их веры в *Теңира*) на ныне проживаемой территории еще до монгольского периода (на рубеже I и II тысячелетий) и до гуннских времен, и подтверждают историческую личность Манаса [10, с. 34]. Термин *теңризм* (вместо *тенгрианство*) закрепился в европейской науке XX в. после веских заявлений о присутствии целого комплекса собственно мировоззренческих

оснований тюркского мира [11, р. 64–65]. Лексема *Теңир* присутствует во всех тюркских языках и ее множественные смысловые словообразования составляют широкое проблематическое когнитивное поле всего евразийского мира. Так, алтайское *Тенгирий* (*небесный бог*): шорское *Тегрий*; хакасское *Тер*, *типир*; тувинское *деер*; чувашское *Тура*; якутское *Тангара* – *рассвет*, *заря*, *восход*, *как и*, к примеру, кыргызское *таң атты* – *рассвет*; монгольское *Тэнгэр*; бурятское *Тэнгэри*; калмыкское *Тэнгер* (женского рода), *Тангара* болгарское: *гром*. Оно также было знакомо шумерам как древнешумерское «дингир», гуннам на Западе и хуннам на Востоке как *Теңир куту*, древним индусам, китайцам, грекам, египтянам, корейцам, японцам (в синтоизме), угро-финнам и сармато-герматскому народу. Есть предположение, что персидское слово *Дин* и корейское *Тен* имеет закономерную связь со словом *Тең*. Возможно название древнего народа *Динлин*, которого называют древними кыргызами, так же имеет сокращенное значение со словом *Теңир*. Турецкое понятие *Динж(е)ир* обозначает *высокий*, *высочайший*, *великий*, тогда, в этом смысле, древний народ *Динлин*, районирующийся в высоко в горах – оправданное название, но измерение бытия народа в превосходной степени высокого как великого требует веского содержания и обоснования. Река Ти(н)гр, по-настоящему: *Тегир*, сокращенное с *Теңиром*. Индийская многовековая философская школа *Тантризм* (вероучение о тождественности человека и мироздания как тантры или собственной внутренней упорядоченности) имеет много общего с *Теңризмом*. Как видно, в «языковом» феномене *теңир*, наряду с присутствием бога *Теңир*, приоритетно существуют материалистическое понимание естественных явлений и натурфилософские представления. И тогда *теңризм* интересен как мегакультурологическое измерение, отражающее наиболее универсальные свойства объективной реальности, является целостно сохранным мировоззренческим и ментальным инструментарием традиционного знания тюркского мира. Так, панорама неба (видимая часть космоса) в южных широтах планеты имеет интенсивный сине-голубой цвет (вследствие рассеивания видимого солнечного света высокодисперсной системой земной атмосферы). Отсюда в теониме *Көк Теңир* (в словосочетании) *көк* (как есенинское – *синь*) есть не только эмпирическое определение эпитета *синего* цвета (или признака спектральной короткой длины солнечного света), но и предикативная независимая атрибутивная качественность *равного* или *тең*. Такое восприятие высокой степени однородности небесного синего свода (физико-химическое гомогенное состояние истинной аэрозоли стабильно

вследствие высокодисперсности) выводит материалистическое воображение номада к метафизической инсталляции *вечного*, *бездонного*, *непрерывного*, *сплошного*, *однородного*, *незыблемого*, *неопровержимого*, *необъятного*, *несравнимого*, *неизмеримого* (и т. д.) гештальта (и только позднее экстраполируется до искусственного как божественного). В таком контексте теоним *Көк Теңир* выступает как космогоническая прамысль, транслировавшая материалистическое знание о мироздании в извечные принципы миротворения или в трансцендентное (по Канту) *сущее*. У древних кыргызов, также как у всех народов, присутствует своя богатая космогония, из которой эксплицируют семантический смысл толкования и этимологии лексемы *тең*. Кыргызский *теңризм* в отображении объективной реальности отдает предпочтение оприродности действительности и обоготворении природных сил как стихий, без демаркации естественного и сверхъестественного бытия, т. е. онтологически простому миру.

Слово «*Тең*» – широко распространенное в лексике кыргызов (а не только актуальное в современный период независимости страны – *теңдик* как равенство) как отдельное слово, так и как стабильная компонента различных идиом, пословиц и поговорок [12, с. 302]. Его лексическое богатство представляет следующий анализ: «... на кыргызском языке имеет много значений: 1. Равный, ровня, равен, одновременно, сверстник, равноправный, равноправие, равнозначный; 2. Половинка, пополам, поровну; 3. Половинка из четы (муж и жена, жених и невеста), не вдова и не разведенная; 4. *Экобус тең*, *баардыгыбыз тең* или *вместе*; 5. Равный по происхождению; 6. *Тең чыгуу* менен аяктады – *ничья*; 7. *Теңге* – денежная единица как эквивалент; 8. *Теңде* – уравнивать, уравнивать, равномерно; 9. *Тең салуу* же койу – свешивать поровну на обе стороны; 10. *калды теңдеп жар* – быть беспристрастным; 11. *Теңдеп* – равнять, приравнивать, уравнивать; 12. *Теңдеме* – уравнивание; 13. *Теңдешик* – равенство; 14. *Теңдик* – равенство, равноправие; 15. *Теңде* – приравнивание; 16. *Теңсел* – мерно, плавно; 17. *Теңселгич* – маятник; 18. *Теңтуш* – ровесник; 19. *Теңчил* – поборник равенства и справедливости; 20. В то же время из слова *тең* составляется понятие бога и неба *Теңир*; 21. Нарушение *тең* или равности означает: пренебрежение, дерзость, не почитание, высокомерие (*теңине албай*), вознесение *над* или *вне*, выделение из равнозначных; 22. *Теңдешис* – несравнимый, *теңдесиз* – неравенство; 23. Но *Теңир Тоо* – небесные (самые высокие, недостижимые) горы, отсюда уважительное *Теңир эл* – народ небесных (с самых высоких) гор – но и чистые душой

люди» [13, с. 224]. Так, кыргызская рефлексия языковой палитры различных значений выделяет следующие философские основания категории *тең*: *онтологические*: ровный, ровня, равен, равномерно (в пространственном значении – количественно или качественно, системно или структурно); одновременно, ничья, сверстник, ровесник, мерно, плавно, маятник; временном (движении) значении; *гносеологические* – половина, пополам, уравнивать, уравнивать, поровну, уравнение, быть беспристрастным; *методологические* – денежная единица, распределять (логически); *социальные* как равноправный, половина из четы, вместе, равный по происхождению (интеллекту, духу), равняться, приравняться, уравниваться, равенство, поборник равенства и справедливости. Такое измерение выводит к фундаментальной антропогенной концептуализации сущего в самости человека. В традиционном осознанном мире кыргызов феномен *Теңир* является скорее имманентным метафизическим пониманием сущего, нежели трансцендентным божеством, поскольку оно едино с проявленным измеренным данным включенным наличным миром, а не вне (над или под) мира. И это своеобразный вид «третьего мира» его объективного знания, выступающий как познавательный и конструктивный механизм измерения объективной реальности и действующий инструментарий.

Концепт *тең* presupposes структуру *равнозначности, равноположенности и равноосновательности*, основополагающие суть антропного универсума. Но «равно» как константа кыргызского мира есть соизмеримость, высшая степень когерентности единства и его ось, ядро, духовное единоналичие, равенство, оновременность бытия или событийность времени, включенность себя самого в сам мир, т. е. целостный природный и естественный вездесущий миропорядок как *человеко-мир*. В кыргызской онтологии целостного человеко-мира фундаментально взаимодействие, *взаимодополнение, взаимооснованность, взаимооснованность, взаимоположение* между... В этом взаимодействии и есть основное различие западного (оседлого, приземленного) человека от восточного (кочевого, поднебесного), понимающего себя-свое изнутри, его оприродная открытость есть и необходимое условие существования, и измерение собственных социальных конструкций, и критерий самоидентификации (самобытности и самооценки). Такой концепт упорядочивает мир онтологически простым, подлинным, самодостаточным, оприродным самому себе в самости объективного сущего. И в этом смысле полностью исключает иерархическую сложность искусственных образований, а это подлинная свобода. Так, номадический

феномен рационально обосновывает высокую толерантность ко всякому иному, измеряемому на основе константы *равного* или *тең*. Но здесь нет ни смирения, ни всепрощения терпимых и покорных. *Тең* как мера предполагает фундаментальность взаимодействия, проявляется как этический принцип и мировоззренческий гомеостазис свободного открытого аутентичного кочевника – *мааңайы ачык (открытого) – человека* (в противовес *маңкурту*: не целостному и *мааңы жапыс*: закрытому). Здесь *ма(а)ң* понимается как *являющаяся* (не скрытая) подлинная качественность или человеческая сущностность и начало внутреннего мира; как соддержательное и фрактальное целому, данному, но каждому отдельному человеку, а через него всему миру или космической целостности. Именно такой мировоззренческий посыл (пред-знание) космогенного упорядочивания человеко-мира как мировоззренческое единство *кыргызского космизма* заложен в осмыслении и понимании идеи *Көк Теңир*. Отсюда при прочтении камнеписных посланий «солнцеголовых» кыргызов из Саймалуу Таш современник реже всего находит бога. Рациональное осмысление номада выделяет свою соединенность до целостности в равновеликом единстве с космосом. Это единство детерминировано имманентной универсальной причиной в себе самом как его оприродная естественность (к примеру, упорядоченное движение космических тел, жизненные ритмы и циклы живого). Оно есть и предопределенная необходимость, и причинность. Эта каузальность кыргызского мира номада обоснована сущим *Көк Теңир*, всеобъемлющим синкретическим началом. Открытая субстанциональная со-устроенность кыргыза и космоса понимается *человеко-мир* в концепте *тең* в основании кыргызского космизма. Здесь со-охраняются архетипный код кыргыза и его доосознанность как высшая степень человеческого естества и самобытная *идентичность*. Свою витальную самоорганизацию современный *теңир-эль* обосновывает (и сегодня) солнечным животворчеством *Теңира* невидимыми, но непрерывными ощущаемыми солнечными потоками лучей (отсюда, вероятно, линии от круга «солнцеголового»). Так, в рождении кыргыза присутствует солнечная сопричастность-связность как *из* или *след*, (качественность) небесных светил, что отображается в его имени (*Кунсулуу* – красивая как солнце, *Кундус* – солнечный след или *Айнура, Айгуль* – лунные луч и цветок). До сих пор устойчиво понимание эманации (истечения) первоначала в виде динамичного потенциального множества. К примеру, в самоназвании «*кыргыз*» также содержится (целостность множества *ыз*): 40 (*кырк и(ы)з*) 3) качественностей (сравните: с квалитями, по Д.

Чалмерсу) [14, р. 3], актуализация которых со временем проявляется как *мааң* (или гештальт) данного человека. К примеру, *Чың(нз)ыз* – лучезарный как солнце, *Тең(нз)из* – необъятный как океан (рождение каждого кыргызского ребенка кыргызы воспринимают как *кут* или благодать (благо) *Көк Теңири*: его сразу поднимают (демонстрируют) лицом к солнцу). Такая высокая степень когерентности самосогласованного человеко-мира *теңриев* возможна при их фундаментальном *теңдилеке* (идентичности как их тождественности), а герменевтическая конгениальность понимающего основана на когнитивном синергетическом фрейме, укорененном коде мышления и архетипе *теңрия*.

И отсюда самая простая разгадка петроглифа «солнцеголового» – это человек (с головой в виде замкнутой спирали и окружности (почти правильного круга) с расположенными внутри: в центре – крупной точки, а вокруг нее равномерно распределены более мелкие точки (9 или другое нечетное количество), а вне, по кругу, расходятся прямые линии, не стрелки и их количество, почти всегда, равно 18, вероятно всего, по количеству в году лунных месяцев (лун или *ай*). Такое измерение сохранилось у кыргызов. К примеру, в 2011 г. возрождено название *аймак* как основной административно-территориальной единицы государства (т.е. территории, охваченной лунным освещением в течение одного лунного месяца). Кыргызы свободно оперируют ранжированными множествами: *он сегиз миң аалам*, дословно: 18 тысяч (разноразмерных) вселенных или бесконечное множество; 40 – *кырк чоро* или сорок витязей, в смысле: много друзей; тысяча (*миң*) и десять тысяч (*тумөн*) – подразделения кыргызского войска. Самое богатое метафизическое современное воображение обнаруживает в этих солярных знаках, прежде всего, первую астрономическую карту номадов-землян и устроенность видимого им космоса; вихревую динамику нескончаемого коловращения вселенной; определение взаимосвязи до непосредственной взаимовключенности человека и мира (т.е. человеко-размерный или человеко-мир: иначе почему мир вписан, вбит, внутрь круга-головы этого петроглифа) в единый порядок временной циклической периодичности. Эти камне-письмена – стилизованный способ обмена (трансляции) образно-осмысленным эмпирическим знанием и обобщение материалистических и систематических наблюдений кочевника. К примеру, номадическая информация о весенне-осеннем равноденствии и солнцестоянии и целый действующий распространенный, лунный и солнечный, календарь – это абсолютно строгое эмпирическое знание. И более того эти «экзистенциально-космические» знания

(традиционное знание) соотнесены с физиологическими закономерностями, сопричастны естественным возобновляемым циклам и биоритмам человеческого организма и всего живого. Понимание кыргызского *тең* укоренено как мера взаимодействия и как естественное право в системе социальных конструкций народа и в политическом обустройстве народа-войска, где не было не только рабов, но и не свободных. Такая самобытность номадического феномена кыргызского *тең* есть константа и предпосылочное знание. Именно такая изначальная метафизичность кыргыза обосновывает его экзистенцию, неономадичную транснациональную свободу и ценностную универсалию существования: *равным среди только равных*.

Еще в 90-е гг. кыргызские философы убеждали, что (нео)номадизм как альтернативный образ жизни станет рациональным выбором человека XXI в. И действительно, уже с 1991 г. в постсоветской КР наметился интенсивный исход русскоязычных граждан, вызванный разными факторами, прежде всего, с дефункционализацией русского языка. И хотя он был признан *официальным языком* Кыргызстана, однако эмиграция не прекращается до сих пор. Социологический анализ показал: в 90-е гг. уехало столько людей, сколько въехало в годы индустриализации, т.е. люди едут туда, где есть *работа* – эта особая ценность XXI в. технологенной цивилизации [15, с. 245]. Переход от кочевого образа жизни на оседлый уклад у кыргызов происходит с XIX века, но так полностью и не состоялся. Сегодня и кочевая жизнь, и оседлость – соизмеримые константы его объективной реальности. Так сезонное «вертикальное» кочевание из аила на джайлоо и обратно остается традиционным и эффективным типом хозяйствования. Это не только необходимый вид трудовой деятельности, но и социально-психологическая потребность существования. Но сегодня кыргызский номадизм заметно окреп: приобретает новые формы. Это эффективный позитивный ответ на исторические вызовы. Реалии существования кыргызов с 90-х гг. как *социальной диссипации* [15, с. 246–270] такие: каждый четвертый репродуктивный кыргыз – трудовой мигрант: из них более 80,0 % – только в России. Это мощный (после исхода с енисейской прародины) кыргызский миграционный поток в истории, вектор которого детерминирован незнакомой и новой ценностью: *работой*. Концепт *тең* кыргызского номада – именно кочевой образ и уклад жизни, его социальная память и рациональность, ментальный фрейм (коллективное бессознательное) равных или *тең* – позволяет найти оптимальный (смелый) путь самосохранения всего социума (*эль-журта*): создать, сформировать и освоить

новый трудовой вид миграции – действенный и инновационный инструмент выживания целого кочевого народа. Это проявление его *самоорганизационной* цивилизационной потенциальной энергии есть сила *социальной мобильности*. И этот факт имеет стабильные статистические миграционные параметры: трансферт, численность, возраст, гендерное соотношение, плотность, направленность и т. д. Это вынужденный, осознанный выбор и альтернативное решение дестабилизации государства: в мировом номадном ренессансе кыргызы твердо удерживают экзистенциальную нишу: в 2016 г. трансферт из России на родину достиг 1,9348 млрд, а за 4 месяца 2017 г. – около 650 млн долларов, за весь 2017 г. – около 2,14 млрд долларов. Это заработная плата за трудоемкую работу и низко квалифицированный труд и есть сегодня условие существования кыргыза. Начало массовой трудовой миграции в Кыргызстане связывают с суверенитетом и независимостью, распадом СССР. Но социальную диссипацию вызывает не только необратимая миграция и массовый исход, но и такие социальные показатели, как: *качество жизни и здоровье* как компоненты национальной безопасности; *образование* или человеческий капитал как условие цивилизации; *маргинализация* как следствие нищеты и безработицы и т. д. Сегодня наблюдается трансформация глубинных пластов кыргызского «Я», сдвиг социокультурных регулятивов (это при полном возрождении родного языка в восстановленной мононациональной стране: около 73,0 % населения – кыргызы). Одновременно в последние годы возникли и существуют разные целостные кыргызские образования такие как *государство, страна, родина, отечество*. Уже накапливается осознание не целого не единого не подлинно кыргызского. Это не националистическая ностальгия, а впервые выявленное различие кыргызской этнической самобытности XXI в. Исчезает испокон веков присутствующий номадный оприродный кыргыз. Сегодня наблюдают другое, почти чужеродное явление: *генерализирующуюся маргинализацию (аңтарылган эль)* кыргыза и рождение «массового человека», происходит дегуманизация: социальная диссипация преобразует кыргыза в *трудовой ресурс*. И не все могут объективно измерить его смысл и назначение. Почему?

Действительно, современный человек техногенной культуры давно осознает в себе преобразователя одной энергии в другую, и, по определению социолога Л. Мэмфорда, всего лишь есть *машина*. Это преобразование и есть *работа*. Однако работать – не совсем то же, что трудиться. Почему? Известное утверждение: человека создал труд – основание универсальной идентичности

человека и обоснование консолидации людей. В таком смысле близкое к концепту *тең*. Но человек давно выносит на рынок свой товар *труд* и отчуждает себя от себя. Это идея К. Маркса. Тогда труд есть общее, а человек производное от него как частное. Именно отсюда исходит понимание трудовых ресурсов и их эффективный *маркетинг*. И люди – также как природные, минеральные, водные, невозобновляемые и т. д. ресурсы? Но труд формирует общественные отношения, объединяет и *уравнивает (теңдейт)*. Опять же идея марксизма, и в ней содержится знакомое когнитивное положение *теңриев*. Именно это понимание определяет жизненный вектор трудового кыргызского мигранта, уверенного, что он *равный и не чужой* никому. Или только трудящемуся? Однако в категории трудовых ресурсов он вынужден впервые реально демаркировать себя. Этот феномен отчуждения – следствие нового каузального *работающего* мира – есть условие существования нового человека. В этом содержится его социальная диссипация. Труд через работу облачил кыргыза такой несвободой трудового мигранта-номада. История не повторяется: такой сложный разворот переосмысления номадического феномена преследует *теңризм* при современной идентификации кыргыза естественным правом *равных*.

Литература

1. Аюпов Н.Г. Тенгрианство как религиозная система: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.Г. Аюпов. Алматы. 1996. 30 с.
2. Радлов В.В. Из Сибири: в 2 т. Т. 1 / В.В. Радлов. Стамбул: Гекмур, 1956.
3. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4 / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата: Главная редакция Казахская советская энциклопедия, 1985.
4. Манас. Биринчи болук. 1 китеп. Кыскартылып бириктирилген вариант. Жалпы редакциялан – проф. Юнусалиев М.Б. / Вступление к эпосу «Манас». Т. 1. Часть 1. Фрунзе: Кыргызмасбас, 1958.
5. Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана / В.В. Бартольд. Бишкек: Шам, 1996.
6. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / С.М. Абрамзон. Л.: Наука, 1971.
7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. М.: ИЛ, 1958.
8. Гумилев Л.Н. Хунну. Троецарствие в Китае. Хунну в Китае / Л.Н. Гумилев. М.: Айрис-пресс, 2008.
9. Thomsen V. Inscriptions de L'Orkhon / V. Thomsen. Helsingfors. 1896.

10. *Караев. О.* Эпос «Манас» как историко-этнографический источник / О. Караев // Тезисы международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса «Манас». Бишкек, 1995.
11. *Roux J.-P.* La religion des Turcs et des Mongols. Payot / J.-P. Roux. Paris. 1984.
12. Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Кн. 2 / сост. К.К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1985.
13. *Алиева К.М.* Философско-синергетическое исследование тенгрианства: от прошлого к настоящему / К.М. Алиева, А.И. Тишин, Т.М. Эгембердиев // Sosyal BILIMLER DERGISI Manas Universitesi. Biskek, 2006.
14. *Чалмерс Д.* Сознание и ум: В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. М.: УРСС: Либроком, 2013.
15. *Алиева К.М.* Философия и синергетика о сложности / А.И. Тишин. Бишкек: Илим, 2003.